

Владимир ЯКУТОВ,
кандидат исторических наук

ИЗ РАССКАЗОВ О ЛЕНИНЕ

Сияние

Письмо было неожиданным. Александр Григорьевич Червяков сначала даже не поверил, что оно адресовано ему. Он прочитал его несколько раз. Нет, ошибка исключалась: «Срочно прибыть в Совет Народных Комиссаров...»

В Совнаркоме Червякову сообщили, что Советское правительство имеет в виду создание специального учреждения, которое бы занималось национальными делами белорусов. В связи с этим ему предлагалось подобрать преданных Советской власти людей для работы в этом органе, усилить политическую работу среди белорусских беженцев.

14 февраля 1918 года газета «Правда» опубликовала декрет, подписанный Председателем Совнаркома РСФСР В. И. Лениным. В нем говорилось, что при Народном комиссариате по делам национальностей организуется комиссариат по делам белорусов. Комиссаром по делам белорусов был назначен Александр Григорьевич Червяков.

Выбор на Александра Григорьевича пал не случайно. Будучи еще студентом Виленского учительского института, он стал на путь революционной борьбы. Оказавшись в Петрограде, связался с местными большевистскими организациями и активно участвовал в их работе, а в мае 1917 года Червякова приняли в ряды большевистской партии. Будучи командиром пулеметной роты второго пулеметного пол-

ка, он выполнял самые трудные поручения Петроградского большевистского центра. Особенно большую революционную закалку и выдержку показала его рота в июльские дни 1917 года. «Ильское выступление совершил вместе с ротой против Временного правительства, как достойный большевик», — писал он позднее в своей автобиографии.

Александр Григорьевич знал, какие огромные трудности ждут его на новом поприще. Война, словно вихрь, сорвала с насиженных мест тысячи людей. Свыше одного миллиона белорусов встретили Октябрьскую революцию в разных уголках России. Особенно много беженцев осело в самом Петрограде и в Петроградской губернии. Война еще более усугубила и без того тяжелое положение эвакуированных. Большинство из них жило в неимоверно нищих условиях, голодало. Русский народ чем мог помогал этим несчастным, но он сам был нищ и голоден. Жизнь беженцев осложнялась еще и тем, что во главе большинства созданных до революции беженских комитетов находились лица, очень далекие от стремлений помочь трудовому народу. Но под влиянием революционной борьбы трудящихся России росло также и политическое сознание беженцев.

Национальным комиссариатом вменялось в обязанность вести среди беженцев широкую массовую агитацию и пропаганду идей Советской власти, помогать им в их бытовых и экономических нуждах, улаживать разного рода конфликты, вовлекать в активную созидательную работу. Червяков с

присущей ему добросовестностью и большим желанием приступил к выполнению столь ответственного поручения. Он делал все возможное, чтобы помочь большевистской партии организовать оборону страны от внутренних и внешних врагов, укрепить Красную Армию, наладить снабжение Петрограда, оживить работу предприятий и транспорта.

Не всегда удавалось сделать все так, как хотелось. Мешало то одно, то другое. Но главным препятствием были свергнутые классы и их прислужники. Они старались уничтожить в зародыше молодые ростки рабоче-крестьянского государства. Многого, разумеется, Червяков не понимал и сам. Энтузиазма имелось в избытке, а опыта не хватало. Тогда, не стесняясь, он спрашивал совета у старших и более опытных товарищей. Не раз думалось, что хорошо было бы суметь встретиться с Владимиром Ильичем. Но, будучи по природе своей скромным и стеснительным, он не мог решиться на такой шаг. «Как-нибудь в другой раз,— отгонял он назойливую мысль.— Сейчас не время. Вот полностью переберемся в Москву, тогда и попрошусь на прием».

В дальнейшем обстоятельства сложились так, что Червякову пришлось встречаться с Владимиром Ильичем не один раз, разговаривать с ним по самым разнообразным вопросам, делиться своими мыслями, приходить за советом. Это были задушевные беседы, оставляющие у Червякова неизгладимый след.

Червякова хорошо знала Надежда Константиновна Крупская. Владимир Ильич и Надежда Константиновна высоко ценили Червякова за его глубокое знание жизни белорусского народа, широкую эрудицию, умение работать, скромность. При каждой встрече не забывали они поинтересоваться и самыми обыденными житейскими делами, даже мелочами жизни Александра Григорьевича.

Особенный след в памяти Червякова оставила встреча с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной в январе 1923 года.

Александр Григорьевич Червяков работал тогда Председателем ЦИКа и СНК БССР. Республика, как и вся страна, переживала большие экономические трудности. Выручала братская солидарность народов Советской страны, героизм ее людей.

В такой обстановке нужно было умело ориентироваться, сочетать перспективу с реальностью дня, не упускать главного. Укрепление кооперации в деревне являлось газдем момента. В Белоруссии имелось несколько кооперативов, но им не хватало тягловой силы. Вот Червяков и решил попросить В. И. Ленина дать республике несколько тракторов.

Владимир Ильич принял Червякова на своей квартире. Дверь открыла Надежда Константиновна. Она улыбнулась:

— Вот не ожидала, Александр Григорьевич. Какими судьбами? Проходите, прохо-

дите... Садитесь, пожалуйста, рассказывайте, что нового.

— Спасибо, Надежда Константиновна,— отвечал Червяков. Он, естественно, волновался и не знал, с чего начать разговор. Надежда Константиновна начала расспрашивать его о Минске, о семье, о делах просвещения.

— Как чувствует себя Владимир Ильич?— в первую очередь поинтересовался Червяков.

— Он еще очень слаб и нуждается в полном покое, — с грустью ответила Надежда Константиновна.— Но не может сидеть без дела и сейчас диктует работу «Как нам реорганизовать Рабкрин».— Она, вздохнув, продолжала: — Владимир Ильич просто не щадит себя.

— А я хотел бы посоветоваться с Владимиром Ильичем насчет кооперации и попросить для Белоруссии несколько тракторов,— чистосердечно признался Червяков.

— Хорошо,— согласилась Надежда Константиновна.— Только я сначала дам ему лекарство.



С полным текстом документа
можно ознакомиться в библиотеке